

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Вхождение России и Украины в мировое образовательное пространство с необходимостью потребовало переосмысления целей высшего образования. Реализация положений Болонского соглашения, исследовательская направленность, ориентация вузов на единство триады «наука-образование-производство» ставят перед высшими учебными заведениями качественно новые социально значимые задачи: задачи развития у будущих специалистов активной жизненной позиции, творческого отношения к решению инновационных профессиональных задач, социальной зрелости в определении своих личных целей. Обновление содержания и технологий высшего профессионального образования актуализирует обращение исследователей к проблемам инновационного развития высшей школы. Надо отметить, что сегодня инновационный стиль деятельности высшей школы стал частью ее имиджа.

Изменения в системах образования наших стран требуют особого внимания к обеспечению качества высшего образования в целом и конкретных образовательных программ в частности. Инновационный процесс в вузе предполагает обновление методов, разработку и внедрение в учебный процесс новых образовательных технологий. Поэтому в условиях инновационного развития высшей школы особую значимость и актуальность приобретает вопрос эффективности педагогических инноваций, определяющая роль в реализации которых принадлежит личности преподавателя. В современных условиях именно инновационная педагогическая деятельность преподавателя вуза выступает одним из средств обновления высшего профессионального образования. В связи с этим социальные ожидания связывают деятельность преподавателя современного вуза с творческой самостоятельностью, поиском, с высоким профессионализмом, а его социально-профессиональную активность в целом с образом жизни.

Следует отметить, что инновационная настроенность преподавателей только на изменение содержания и объема учебных дисциплин не дает желаемого результата. Связано это с тем, что современный инновационный процесс в образовательном пространстве вуза отличает большая свобода выбора и разнообразие видов инновационной деятельности. В этих условиях особое значение приобретают профессионально-личностные качества преподавателя, совокупность которых образует психологические детерминанты эффективности его инновационной деятельности. Психологические детерминанты рассматриваются в качестве факторов, способствующих «раскрепощению» творческого потенциала личности преподавателя и обеспечивающих психологический комфорт для его продуктивной инновационной педагогической деятельности.

Среди психологических детерминант готовности преподавателей к изменениям особое место занимает их отношение к нововведениям в вузе. Отношение преподавателей к инновационной деятельности изучалось с точки зрения принятия нововведений и мотивации деятельности, направленной на создание и внедрение новых образовательных технологий.

По результатам анкетирования преподавателей с целью определения особенностей их отношения к нововведениям в образовательном процессе вуза все преподавате-

ли условно были разделены на три группы: «инноваторы», «умеренные инноваторы» и «консерваторы». Критериями отнесения преподавателей в ту или иную группу выступили: отношение к стабильности – нестабильности в профессиональной деятельности; оценка зависимости успешности введения нового от преподавателя; временная перспектива полезности нового для качества профессиональной подготовки будущего специалиста; отношение к решительным действиям по введению нового в образовательный процесс вуза и отношение к коллегам, сомневающимся в полезности нововведений для повышения качества подготовки будущих специалистов.

Анализ результатов показал, что большинство преподавателей позитивно относятся к нововведениям в высшей школе: 86% преподавателей принимают нововведения и 14% – не принимают. При этом характер (уровень) принятия нововведений оказался различным, о чем свидетельствуют следующие результаты: в группу «радикальных инноваторов» вошло 28%, «инноваторов» – 30%, «умеренных» – 28% и «консерваторов» – 14% опрошенных преподавателей вузов. Полученные данные не позволяют выделить типичный для преподавателей уровень принятия нового в своей профессиональной деятельности.

Качественный анализ позволил составить психологические портреты представителей каждой группы. Самый низкий балл (13 баллов) имеют преподаватели – «консерваторы». Стабильность и устойчивость в жизни и профессиональной деятельности они предпочитают нестабильности и неустойчивости. Они позитивно относятся к тем, кто сомневается в полезности нововведений и считает нецелесообразно вводить новое в образовательный процесс высшей школы. Осмотрительность, а не решительность и смелость во внедрении в образовательный процесс нового должна быть присуща преподавателю вуза, так как самое лучшее в высшей школе сделано. Нецелесообразность новых начинаний они связывают с тем, что их успешность больше зависит не от стремлений и усилий преподавателей, а от внешних условий, к которым относят административный (позиция руководства кафедры, факультета, вуза) и материально-технический (материальная база, материальное стимулирование) ресурсы.

Самый высокий балл (34 балла) имеют преподаватели – «радикальные инноваторы». Преподаватели этой группы не считают, что стабильность в жизни всегда лучше нестабильности, полагают действовать решительно и смело. При этом симпатизируют тем, кто не сомневается в полезности нововведений и считают, что вводить их нужно всегда, а не только тогда, когда убеждены в возникновении полезного результата в ближайшем будущем.

Преподаватели, вошедшие в группу «инноваторов», набрали 27 баллов. Они не видят прямой связи проявлений преподавателями разумной осмотрительности с их сомнениями в полезности и целесообразности нововведений. И, кроме этого, они скорее не симпатизируют тем, кто проявляет разумную осторожность и осмотрительность в делах. Для них стабильность и устойчивость жизни не всегда лучше нестабильности и неустойчивости. Они считают, что не всегда надо действовать решительно и что только те, кто боится разумного риска, действуют по пословице: «семь раз отмерь, один отрежь». С их точки зрения осуществлять нововведения нужно, не ориентируясь на временную перспективу, а тогда, когда полезный результат ожидается и в ближайшем будущем, и в отдаленной перспективе. Относительно успешности нового начинания, то

преподаватели этой группы, как и преподаватели группы «радикальные инноваторы», считают, что она больше зависит от собственных усилий преподавателей как инициаторов этих начинаний, чем от внешних условий (административного и материально-технического ресурсов). Получилось, что портрет преподавателей-инноваторов довольно близок портрету преподавателей-радикальных инноваторов.

Для преподавателей группы «умеренные» характерны черты отношения к новому преподавателей как группы «инноваторы», так и группы «консерваторы». В частности, они считают, с одной стороны, что тот, кто сомневается в целесообразности и, соответственно, полезности нововведений в высшей школе, проявляет разумную осмотрительность. С другой стороны, если работать по принципу «капля камень точит», то вряд ли можно чего-то добиться, поэтому надо действовать решительно и смело. Относительно временной перспективы, то ожидание в ближайшем будущем полезного результата – это главное при введении нового, а отдаленная перспектива получения результата ни к чему. Кроме этого, преподаватели этой группы не согласны, что успешность нового начинания, как правило, зависит от усилий преподавателя, а не внешних усилий. Как видим, не смотря на то, что словесный портрет преподавателей группы «умеренные» противоречив, в нем все же больше характеристик отношения к новому преподавателей – консерваторов.

Объясняется это тем, что отношение преподавателя к инновационным процессам в высшей школе – это вопрос о его роли как субъекта в преобразованиях высшей школы. Такое толкование отношения к инновациям позволяет условно выделить два уровня готовности преподавателей к их созданию и внедрению в условиях вуза: личностный и профессионально-личностный. То есть готовность каждого преподавателя воспринимать современную реальность построения вузовского образования и действовать в ней вполне определенным образом определяется его жизненным и профессиональным опытом.

Уровень личностной готовности преподавателей к инновационной профессиональной деятельности в условиях вуза, как готовности к определенному, педагогическому, поведению – это достаточно структурированная, трудно поддающаяся изменениям система ценностей, отражающая их жизненную концепцию, смысл жизни, временные характеристики жизненного пути (результат, процесс, цели жизни). В силу этого современная ситуация модернизации высшей школы для многих преподавателей, как молодых, так и опытных, оказалась проблемной, так как требует перестройки их жизненной позиции. В контексте такого понимания готовности преподавателей к инновационной деятельности к личностным особенностям, предрасполагающим преподавателей к нововведениям относится направленность личности и осмысленность жизни.

Уровень профессионально-личностной готовности преподавателей к инновационной профессиональной деятельности в условиях вуза – это связанная с жизненной позицией, но менее структурированная система профессиональных ценностей. При этом если направленность личности и осмысленность жизни влияют на развитие профессиональных ценностей, то изменения в структуре профессиональных ценностей не могут серьезно повлиять на жизненную позицию. Воздействия же многообразных условий, в которых реализуется профессиональная деятельность преподавателя, могут приводить к

разрыву между системой профессиональных ценностей и практикой реального поведения и реальной деятельности преподавателя. В контексте такого понимания готовности преподавателей к инновационной деятельности к профессионально-личностным особенностям предрасположенности преподавателей к нововведениям относятся профессиональные ценности и профессиональное самосознание.

Психологическая структура готовности преподавателя к инновационной деятельности, как и любого явления, состоит из когнитивного, мотивационного и поведенческого компонента. Наиболее интересным с точки зрения психологического исследования является мотивационный компонент психологической готовности преподавателей к инновациям. Проведенное исследование показало, что на включенное участие преподавателей в реализации нововведений влияют следующие мотивы: мотивы, сформированные на основе неосознанного побуждения к активному принятию нового, проявляющегося в ожидании нового, в проявлении инициативы при изменении существующих, устоявшихся особенностей преподавания. В основе такой мотивации лежит предшествующий опыт, приобретенный преподавателем во время обучения в вузе и в процессе осуществления профессиональной педагогической деятельности. Вторую группу мотивов составляют мотивы самореализации и самоутверждения, возникающие при наличии условий, способствующих осуществлению преподавателем личных профессиональных целей и задач. Третью группу составляют мотивы, связанные с переживанием чувства долга. Проявляются мотивы этой группы у преподавателей, ориентированных на профессионально значимые ценности, и тогда, когда внедрение нововведения в образовательный процесс вуза достижение эффекта в профессиональной подготовке будущего специалиста.

Выявленные мотивы инновационной деятельности опосредуются определенными индивидуально-психологическими свойствами личности преподавателей.

Таким образом, установлено, что, во-первых, отношение преподавателей вуза к нововведениям в целом позитивное. Во-вторых, с отношении преподавателей к нововведениям носит индивидуально-вариативный, а не типичный характер. В-третьих, преподаватели замотивированы на внедрение в образовательный процесс вуза новых, но разработанных кем-то технологий, готовность создавать новое развита недостаточно. Для преподавателей вуза скорее характерна склонность отождествлять инновационную деятельность, инновационные процессы с внедренческой деятельностью и внедренческими процессами.

*Олейник Н.Н.
г. Белгород, Россия*

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА УКРАИНЫ

Сегодня золотой трезубец, пережив время неприятия и забвения, занял, наравне с желто-голубым флагом, исторически определенное ему место общепризнанного атрибута украинской государственной символики. В связи с этим в последнее десятилетие, украинские историки вновь обратили свое внимание на изучение происхождения и раз-

вития этой эмблемы. Новую страницу украинской геральдики открыло принятое 19 февраля 1992 г. Верховной Радой Украины Постановление «О Государственном Гербе Украины», которым был утвержден «Трезубец как малый герб Украины» и, соответственно, главный элемент большого герба [6].

Интерес к трезубцу, как к одному из самых оригинальных национальных символов, постоянно растет не только в Украине, но и за ее пределами, в том числе и в России, для которой он также является частью исторического прошлого.

История украинского национального символа, трезубца, своими корнями уходит в глубь веков. Ряд историков видят в этом символе тавро, своеобразный знак власти, как один из элементов процесса распада родоплеменных отношений и перехода к общине, а позже и к частной собственности [7, с. 5].

Одно из первых изображений трезубца на территории Украины зафиксировано на днепровских островах и датировано V–III тыс. до н. э (т.е. периодом трипольской культуры). В V в. до н.э. цари Боспорского царства охотно изображали на своих монетах трезубец. И хотя до нас дошли немногие загадочные знаки Причерноморья, их все же можно подразделить на три основные группы: эмблемы сарматских племен до нашей эры; сложные царские гербы Боспора и гербообразные изображения – символические орнаменты геральдического и магического характера.

Сарматы применяли эмблемы для обозначения лиц, проживавших в данном поселении или городище. В этих случаях знаки наносили на стены пещер, жилищ, специальные каменные плиты; для обозначения пастбищ и водопоев; для обозначения предметов домашнего хозяйства. Археологи находят эмблемы на поясных пряжках, различных ремесленных изделиях, к том числе золотых. Это либо гербовые знаки царей из сарматской среды, либо сильной сарматской аристократии.

Большинство гербов царей Боспора сарматского происхождения. В нижней части – изображение трезубца, одного из древних символов боспорских династий. В свое время В.С. Драчук сопоставил древнерусские трезубцы с тамгами боспорских царей и пришел к выводу, что предысторию «знаков Рюриковичей» можно искать среди знаков Северного Причерноморья римского времени и тамгообразных изображений на раннесредневековых изделиях [3, с. 94].

В Поднепровье были обнаружены поясные наборы VI–VIII вв., на которых отчетливо видны знаки в виде двузубцев на длинном «стебле», оканчивающемся парными отростками «корней». Реже встречаются трезубцы, и равной мере напоминающие растительные символы или пикирующую птицу, подчас сдвоенноголовую. Говорить о славянском, сарматском или русском происхождении этих символов, предположительно принадлежавших поднепровским князьям, весьма затруднительно [8, с. 22].

На территории расселения древних русов и современной Венгрии также найдено большое количество поясных наборов и других предметов с гербообразными изображениями, основу которых составляют двузубые эмблемы и трезубцы. Археологические разведки на Полтавщине и Киевщине подтверждают, что в VI–VIII вв. на землях Центральной Украины трезубец также был известен как символ власти, знак родовых старейшин и племенных вождей еще задолго до Рюриковичей.

Если рассматривать письменные источники, то первые летописные упоминания про трезубец как княжеский знак Киевской Руси датированы X в. Одним из них является рассказ Ибн-Мискавейха о походе русов на Бердаа в 943–944 гг. Другое упоминание сохранилось в болгарской рукописи «Хроника Манасии» (XIV в.), где изображены воины-дружинники князя Святослава, в руках которых знамена увенчаны трезубцем. Княжеский знак Рюриковичей выглядел в виде буквы «Щ», то есть трезубца, встречающегося на печатях и монетах. Характерно то, что изначально этот знак фактически был не официальным гербом, а родовым знаком князей [2, с. 17].

Родовые знаки Рюриковичей были первыми, дошедшими до нас знаками-печатями. Со временем знак, представляющий владельца, перешел на изображение печати, стал употребляться в дипломатической и торговой практике, выступая своего рода аналогом верительной грамоты. Древнейшей из таких печатей можно считать печать (на ней изображен двузубец) Святослава Игоревича (умер в 972 году) [8, с. 7].

На многих монетах, перстнях и пломбах Владимира Святославовича и его потомков также изображался трезубец [1, с. 34].

Однако исследование княжеских знаков, процарапанных на арабских дирхемах, показало, что появление двузубца может быть отнесено к концу IX – началу X в. (878–903) [5, с. 89]. В связи с этим более вероятно использование этого знака как символа киевского князя или как общеродового знака Рюриковичей.

С принятием православия личная символика отдельных князей, едва ли не первой подверглась христианизации. Как можно убедиться на примере монет киевских князей, она совместила два, казалось бы, взаимоисключающих начала – изображения христианских святых и языческих в своей основе личных княжеских знаков [8, с. 49].

Т.о., в XI веке возникает новая гербовая традиция, для которой характерно использование изображений святых, покровителей князей. Следует лишь отметить, что на своих монетах древнерусские князья далеко не всегда помещали собственные личные знаки, отдавая предпочтение изображению покровительствующих им святых [8, с. 49].

Свое дальнейшее развитие этот символ получил в миниатюрах XIII–XVII вв. и в обрядовых традициях жителей Закарпатья, где он и сохранился вплоть до XX в., когда произошло возрождение трезубца, как общенационального символа Украины [9, с. 64].

Вполне логично, что повсеместное распространение трезубцев не осталось незамеченным исследователями. Изучением и расшифровкой «знаков Рюриковичей» занимались многие специалисты. Одни видели в них замысловатую монограмму. Раскладывали ее на отдельные буквы, из которых получалось в греческом начертании слово «базилевс», т.е. «царь», объясняя тем, что киевский князь Владимир, стремясь ничем не отличаться от византийских императоров, взял себе пот монарший титул. Другие видели в этом знаке изображение церковного светильника, хоругви, портала храма, якоря, птицы-сокола или верхней части скипетра как атрибута власти. Делались попытки расшифровать эмблему трезубца как олицетворение трех стихий: воздуха, земли и воды. Однако все эти расшифровки лишь гипотезы и не объясняют ни происхождения, ни конкретной принадлежности «знаков Рюриковичей». Видимо в те времена, когда этот знак появился, символика его была ясной и понятной для современников. В течение времени символическое значение знака забылось, и сейчас расшифровка его пред-

ставляет загадку для исследователей, уходящую своими корнями в глубь истории Боспорского царства и античной цивилизации Северного Причерноморья. Письменные источники подтверждают, что в то время Причерноморье было рынком, где боспорские ремесленники сбывали изделия со своими эмблемами. Вернее всего, этими ремесленниками были населявшие Боспор и прилегающие территории сармато-аланские племена и остатки варваризированного эллинского населения. Что же до символики трезубца, то он абстрактен, и потому увидеть в нем конкретное изображение не представляется возможным.

К примеру, он прозрачный, значит, государство открыто, не отгораживается от внешнего мира щитом и не боится чужого взгляда, ибо ничего не прячет от других. Принцип триады подразумевает отражение таких образов, как отец – мать – ребенок; Святая Троица: Бог-отец, Бог-сын и Бог-дух святой; детство – зрелость – старость; три ветви власти в государстве; вода – земля – воздух [4, с. 8].

Для упрощения рассмотрения различных версии и гипотез их условно можно поделить на три группы: предметные, графические и философские [2, с. 17].

В основе предметных гипотез лежит повторение у изображений трезубца конкретных черт. Представители этой группы видят в трезубце воплощение форм вершины скипетра византийских монархов, скипетра скифских царей, изображения короны или предметов, символизирующих государственную власть. Последователи этого направления видят в трезубце контуры птицы, похожей на норманского сокола или голубя Святого Духа.

Значительная часть историков видят в этом символе эмблему, связанную с конкретным предметом человеческой жизнедеятельности: якорем, топором, флагом, луком со стрелой, колосом и т.д.

Логическим продолжением предметных гипотез являются графические гипотезы. Последователи этой группы трактуют трезубец лишь как упрощенное, стилизованное изображение. Одни видят в этом символе монограмму, состоящую из сплетенных нескольких букв и изображающую вензель для обозначения имени, слова или фразы. Заметим, что авторство этой монограммы приписывают не только предкам украинцев, а и византийцам, скифам, грекам. Другая часть последователей этого направления [2, с. 18], связывает изображения трезубца с орнаментом, который мог иметь византийское, скифское, славянское или же варяжское происхождение. Еще одна версия: трезубец – это литера, которая раньше обозначала цифру три.

Представители третьей философской группы трактуют этот знак не как прямое или стилизованное изображение предмета, а как символическое изображение идеи, понятия или явления. В основе этих гипотез лежит, как правило, абстрактный взгляд на мир и на место человека в нем. Представители этой группы обуславливают это тем, что трезубец Владимира – это символ идеи державной власти; другая версия – символ власти над тремя мирами: небесным, земным и подземным.

Имеются также гипотезы, авторы которых рассматривают трезубец как символ триединства. На этой основе, очевидно и основана абстрактная идея Троицы, одним из графических изображений которой стал трезубец. Позже эта идея легла в основу христианского постулата про единство Бога-Отца, Бога-Сына, Бога-Духа. Поэтому знак Троицы (трезубца) занимает одно из первых мест среди абстрактных символов. Только

одни видят в символическом изображении огонь, воду и землю, другие – единство мудрости, красоты и разума. Оригинальной версией является та, по которой данный знак является символом жизни: левая фигура – символ положительного отцовского полюса, симметричная ей (зеркальная) правая фигура (символ негативного материнского полюса) и центральная фигура (символ «ребенка»). Философские гипотезы происхождения трезубца, которые базируются на идее Троицы [2, с. 19], следует считать наиболее продуктивными из представленных, поскольку для большинства гипотез камнем преткновения является, как правило, древность трезубца как символа (например, невозможно отождествлять данный знак с религиозной эмблематикой, т.к. задолго до появления христианской церкви он встречается у трипольцев и других народов). Как бы то ни было все же сегодня мы еще не можем с уверенностью утверждать, какая из точек зрения является верной и что дало толчок к появлению и распространению трезубца – конкретный предмет, упрощенное символическое изображение или философские умозаключения [2, с. 20].

Список литературы: 1. Грушевский М. Иллюстрированная история Украины / М. Грушевский. – Киев, 1997. 2. Бойко О.Д. Історія України (запитання і відповіді) / О.Д. Бойко. – Киев: Академия, 1997. 3. Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры / В.С. Драчук. – Киев, 1975. 4. Каменецкий Ф. Откуда пришел трезубец? Как пришли к нынешнему государственному гербу? / Ф. Каменецкий // Порто-франко. – № 34 (521). – 25.03. 2000. 5. Мельникова Е.А. Знаки Рюриковичей» на восточных монетах // Восточная Пиропа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. VIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуго. Москва, 17–19 апреля 1996 г. Тезисы докладов, М., 1996. 6. Официальное Интернет-представительство Президента Украины (www/president.gov.ua). 7. Сергійчук В.І. Національна символіка України / В.І. Сергійчук. – Київ, 1992. 8. Силаев А.Г. Истоки русской геральдики. – М.: ФАИР-Пресс, 2003. 9. Чистяков С.С. Исторические источники, содержащие изображение трезубца // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. VIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуго. Москва, 17–19 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М., 1996.